

ЛЕТ

Из описания женитьбы Миши Филиппова:

«В Макарово ехали засветло. Третьим ехал сват бульдозерист Михаил Шустов, хромой, гоношливый, в леспромохозе — первый звонарь. В предвкушении выпивки он был невероятно оживлен, врал и острлил направо и налево.

— Жениться, — говорил он, — надо ездить на бульдозере. Уважения больше, и задний ход хороший».

Тяготение к будничности, таящей и прячущей раны души, Саня выразил в своих пьесах с должной искренностью. Кстати, писатели-сибиряки, добившиеся читательского признания в последние годы, добились его именно рассказами о будничной жизни Сибири, но никак не сочинениями о ее романтически-праздничном покое.

А нашими общими закатами, лугами, илимскими тропами и встречами на них мы и распорядились сообща: написали путевые заметки, пожалуй, переполненные пейзажами и такой печальной созерцательностью, озаглавив их под стать тогдашнему нашему настроению — «Голубые тени облаков». Оказывается, когда мы печатали их, в Иркутск прилетел на день или два Олег Табаков. Прочитал наши заметки, запомнил и зимой 1965 года встретил Саню, принесшего в «Современник» «Старшего сына», вернее, вариант пьесы под названием «Нравочение с гитарой», словами:

— Что, опять голубые тени облаков?

— Да нет, — сказал Саня, — теперь просто тени...

«Провинциальные анекдоты» Саня предвещал гоголевскими словами: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают». Сам он не только верил в случай, редкое происшествие, стеченье обстоятельств, но и охотно шел им навстречу.

Мы жили в Красной Пахре. Февральским вечером ждал я Саню из Москвы и поживался от резких внешних стуков в окно — рвалась, чуть ли не высаяживая рамы, метель. Она так нажала ему щеки, что они темно, припухшие рдели.

— Ну, чудеса, доложу я тебе, творятся! Нет, при чем тут метель, я и не заметил, как пробежал. В Москве настоящие чудеса в решетке. Захожу днем на телеграф — мы получали почту на Центральном телеграфе, — денег нет, зато взамен несколько писем, стою в углу, читаю, и, как писали в прежних романах, дав глазам необходимый отдых, кого, ты думаешь, я увидел?

— Иркутского заимодавца.

— Не, Арбузова, совершенно не подозревавшего, что у меня при себе, за пазухой, похрустывает рукопись пьесы. Поднимается он по ступенькам, без шапки, в немисливой куртке, на блестящей заграничной лачом футляре, то ли с фотоаппаратом, то ли с транзистором. Я к нему: «Здравствуйте, Алексей Николаевич». Он отпрынул — то ли думал, займы буду просить, то ли пальто моего испугался. — Саняному черному драповому пальто который год износу не было. — Вы, говорю, меня не помните, я был на семинаре одноактовиков, не могли бы вы прочесть мою новую пьесу? Спрашивает: большая? Няй листов, говорю. — Первоначально «Прощание в июне» была

именно такого размера. — Вдохнул — большая. Посмотрел на меня, посмотрел — я тоже без шапки. Возможно, это и решило дело. Давайте, говорит. — В автобусе, метро, магазине, вот и на почте Саня немедленно снимал шапку — видимо, его жесткие черные кудри, как бы продутые однажды, освеженные ветрами бурятских степей, не выносили зимнюю жаркую неволю. — Сказал позвонить, как кончится чемпионат мира.

— Какой чемпионат? — удивился я.

— По хоккею. Учти, драматурги любят зрелища, — Саня перепутал дни и позвонил Арбузову в завершающий день чемпионата. Арбузов тем не менее уже прочел «Прощание в июне», пригласил Саню к себе, вместе они посмотрели хоккей, а потом Саня выслушал одобрительные слова, столь важные для него в ту начальную московскую зиму.

Первый театр, куда он принес «Прощание в июне» и «Старшего сына», был Театр имени М. Н. Ермоловой, и выбрал его Саня лишь потому, что стоял театр и стоял рядом с Центральным телеграфом. — вышел, востребовал почту, и никуда больше добираться не надо, вот он, театр, в двух шагах. Зашел Саня к ермоловцам, и встретила его заведующая литературной частью Елена Леонидовна Якушкина, чей живой и насмешливый ум, чья сердечность, чье знание московской театральной жизни, не только, так сказать, ее восьмой, надводной части, но и остальной, подводной, та-

может, в коридор выйти, авось что-нибудь...

В коридоре мы встретили Б. А. Костоюковского и, предводительствуемые им, в третьем часу ночи стучали в номер Л. С. Соболева. Он открыл. С серебряными взъерошенными висками, на щеках красные рубцы от подушки, он тем не менее улыбался.

— Что за тревога? Что за аврал?

Выслушал, сказал: «Обнародуем», — взял с подоконника большой, так и охота сказать — ведерный термос.

— Садитесь, чаю попьем, — и отпустил нас на рассвете, распросив и выпросив нас с дотошностью, какую и днем не часто встретишь.

В сухие, безлиственные уже октябрьские дни 1965 года мы поехали с Саней в Бурятию, в Баргузинскую долину, — Иркутская студия кинохроники предложила нам написать о долине документальный сценарий. Мы легкомысленно согласились, предвкушая золотисто-фиолетовые, гулко-прозрачные дали и вовсе не представляя, сколь капризны, необъяснимо прихотливы требования нашей кинохроники (недавно я перечитал тот непошедший сценарий, и, как мне опять показалось, он не нарушает каких-либо литературных и изобразительных законов).

По дороге из Улан-Удэ к Байкалу наш автобус забуксовал, завис над краем длинного крутого обрыва, а вернее, над краем маленькой пропасти. Пассажиры, завороченно онемев и привстав,

ры на гору, через мосты и мостики — свет фар завидно обгонял нас, и вдалеке взблескивали по падям первой желтизной лиственницы.

Громко, возбужденно говорили о пустяках, как бы условившись не говорить о главном, пока не доедем. В Листвянке со свистом и пылью кружил ветер. И пока мы искали больницу, налетал на нас из-за каждого закоулка и угла. Нянечка или сестра повела нас в чулан. Перед дверью зажгла свечку, сказав:

— Там у нас света нет...

Водоросли в Саниных кудрях, водоросли на руках — никаких «вроде бы» больше не было.

Саню нам не отдали. Мы походили по набережной, постучали в несколько домов, прося перевести на ту сторону, в порт Байкал, где была Ольга, Санина жена, еще ничего не зная.

Хозяева домов отвечали:

— Да вы что, мужики! Не видите, что делается?! — Байкал ревел без передыха, и видно было, как высоко над берегом разваливались рухнули тускло-белые гребни.

Вернулись в город. М. Д. Сергеев пошел писать некролог, а мы с Распутиным закружили черными вестниками. Заехали к Машкину, заехали к Саняному брату Михаилу, геологу, тоже только в этот день вернувшемуся из отпуска. Он вышел в майке, заспанный. От наших слов молча закружился на месте в холодном, плохо освещенном подъезде.

К шести утра, к первому пароходу в порт Байкал, мы вернулись с Распутиным в Листвянку. Холодный ветерок, чуть отдающий ночной пылью, серо-зеленая зыбь — шторм ушел к северу.

Мы еле передвигали ноги, заранее мучаясь тем, что нам предстояло сказать Ольге. Перед домом посидели на камнях. День начинался ясный, солнце в прозрачном байкальском воздухе поднималось по-особому чистое и теплое.

Ставни еще были закрыты. Мы постучали. Выглянула жена Пакулова, Тамара.

— А мужиков наших нет, где-то загуляли.

Ольга вышла на крыльцо, посмотрела на нас:

— Что? Все?

Мы бросились к ней...

В море я не сразу узнал его — таким матерым, скульптурно-рельефным стало его тело. Обряджали его две женщины: маленькая худая старушка и престарелая, юная, голубоглазая — видимо, студентка медицинского института...

Было пасмурно, но сухо и тихо, когда мы несли его на руках до здания театра, где ждали машины. От оркестра мы отказались, помня Саняную печальную усмешку, с которой он написал Сарафанова, музыканта из «Старшего сына», играющего на похоронах.

Долго я еще, выходя из подъезда, взглядывал налево: вдруг да идет Саня, по обыкновению задумчиво свесив кудрявую голову. И мы пешком отправимся в город, толкая по дороге о том, о сем. Как бывало когда-то.

Через год прилетел в Иркутск Владимир Алексеевич Андреев, ставивший тогда «Прошлым летом в Чулимске». Мы ходили с ним по утрешним улицам, по набережной (Андреев удивлялся: «Почему у вас набережную назвали бульваром?» — не подозревал, что Саня тоже этому удивлялся, и этими же словами), по острову — там, где любил бывать Саня. Только-только разошелся туман. Был влажный холод и холодное ясное солнце. Андреев изредка спрашивал: «А здесь он бывал?» С особой, как бы отстраненной трезвостью я наконец понял: Саня нет и никогда не будет.

Иркутск

Александр ВАМПИЛОВ и Вячеслав ШУГАЕВ (третий и второй справа) на книжном базаре в Иркутске.

инстинктивно-громоздкой, так помогли Сане впоследствии.

— Саша, вы выбрали рискованное занятие, — говорила в ту пору Елена Леонидовна. — Я видела многих людей, сочинявших пьесы. Но где эти пьесы? — И влажно блестя ее черные, как-то почные глаза с удлинением и чуть приопущенным вниз разрезом век.

— Должно быть, на вашем столе, — кивал Саня на гору рукописей, как правило, роскошно переплетенных.

Осенью 1965 года мы были в Чите на семинаре молодых писателей. Семинар был наделен правом рекомендовать в члены СП СССР, минуя приемную комиссию. Мы тогда с изысканной нервностью отнеслись к этому обстоятельству. Ночью, накануне оглашения списка рекомендованных, мы узнали, что Саня в него не попал: тогдашний и теперешний руководитель Иркутской писательской организации М. Д. Сергеев в семинарских хлопотах и напряжениях, видимо, забыл, что у Саня выходила книжка рассказов — непременное условие для рекомендации.

— Глухая ночь, — говорил Саня, — никому ничего не докажешь. — Мы сидели у него в номере, курили. —

заглядывали в нее. Когда автобус справился, выплез на надежную колею, я спросил у Саня:

— Что ты думаешь? — Вот случай, который может не повториться.

Вот и август 1972 года. Я вернулся в Иркутск из поездки, вечером увидел темные Санины окна и вспомнил, что он собрался на Байкал. 17 августа ближе к полуночи телефон зазвонил длинно и громко, как обычно звонят с междугородной.

— Старик, это Глеб. Саня утонул. Я из больницы звоню. Лодка перевернулась. Меня вот спасли, а его нет. — Звонил из Листвянки Глеб Пакулов, иркутский литератор, владелец этой проклятой лодки, которую когда-то мы помогали ему перевезти на Байкал.

Минуту спустя я позвонил главному врачу Листвянской больницы.

— Да, есть у нас утопленник. Да, вроде бы Вampilov. Приговаривая это «вроде бы», ни на миг не отпуская его от себя, позвонил Распутину — он вернулся в этот день из деревни. Распутин позвонил М. Д. Сергееву, и через полчаса таксист мчал нас по затихшему до утра байкальскому тракту. С го-